

УДК 81'42

UDC

DOI: 10.17223/23451734/3/3

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ «СЛОБОЖАНСКОГО РУСИЧА» XIX В. (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА П.Я. БАРВИНСКОГО)

Н.Ф. Алефиренко, И.И. Чумак-Жунь

Белгородский государственный университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: n-alfirenko@rambler.ru; chumak@bsu.edu.ru

Авторское резюме

Изучение языковой личности малоизвестного украинского драматурга XIX в. Павла Яковлевича Барвинского дает возможность интерпретировать индивидуально-авторскую картину мира культурного деятеля (писателя, актера) Слобожанщины и восстановить ценностно-смысловую палитру слобожанской этнокультуры. Рассматриваются базовые уровни репрезентации языковой личности: 1) вербально-семантический, открывающий степень владения Барвинским украинской лингвокультурой; 2) когнитивный, позволяющий осмыслить иерархию слобожанских этнокультурных ценностей; 3) прагматический, отображающий интенциональную стратегию Барвинского как культурного деятеля (его цели, мотивы, интересы, установки).

Ключевые слова: языковая личность, лексикон, тезаурус, прагматикон, этнокультура, драматургический дискурс, эмоциональный концепт.

THE LINGUISTIC IDENTITY OF THE SLOBODA UKRAINIAN IN THE 19TH CENTURY (IN WORKS BY P. BARVINSKY)

N.F. Alefirenko, I.I. Chumak-Zhun

Belgorod State University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: n-alfirenko@rambler.ru; chumak@bsu.edu.ru

Abstract

Inreconstruction of the verbal portrait of a representative of an elite communication identity, in the focus of our attention is the concept of “linguistic identity”, as well as the three-level system which includes lexis, thesaurus and pragmatic competence. The study of the language identity of an unrenowned Ukrainian XIX century playwright, Pavel Yakovlevich Barvinsky, enables to interpret the signature worldview of the author, who is a cultural figure of Sloboda Ukraine, and to restore the axiological variety of Sloboda Ukraine ethnic culture. This implies the study of three basic levels which comprise a linguistic identity, including: 1) the verbal and semantic level, which reveals Barvinsky’s competence in Ukrainian linguistic culture; 2) the cognitive level made up of concepts which create a more or less organized worldview, i.e., a hierarchy of ethnic and cultural values of Sloboda Ukraine; 3) the pragmatic level, which defines the intentional strategy of an artist (his or her objectives, motives, interests, attitudes).

Keywords: Linguistic identity, lexis, thesaurus, pragmatic competence, ethnic culture, drama discourse, emotion concept.

Обращение к языковой личности Павла Яковлевича Барвинского обусловлено тем, что этот драматург является типичным представителем украинского интеллигента конца XIX в. Он был одним из тех, кто «жил в двух культурах», – в том ценностно-смысловом пространстве, которое, цементируя восточнославянскую общность, было естественной средой словесного творчества для многих слобожанских писателей того времени. Это была многогранная языковая личность, реализовавшая себя в трёх ипостасях: как критик, актер и драматург. Примечательно, что он был близок и понятен как деятелям украинской, так и российской культуры: состоял в переписке с А.П. Чеховым, был известен как популяризатор творчества Т.Г. Шевченко. Пьесы Барвинского, написанные на украинском языке, достаточно

ярко отображают украинскую этнокультурную картину мира. Они и сегодня звучат чрезвычайно актуально (Барвинський 2015). Моделирование языковой личности Барвинского позволяет восстановить ту историко-генетическую общность восточноукраинского этноса, которая в наше непростое время некоторыми авторами отрицается, трансформируется или сознательно искажается (предаётся).

Методологические возможности современной лингвистики позволяют реконструировать языковую личность через созданные ею тексты, осмыслить те базовые ценности, которые лежат в основе её концептосферы: жизненные цели, мотивы поведения и мировоззренческие установки (Богин 1984, Ляпон 1995, Корнилов 2003, Караулов 2014, Кошарная 2014, Струганец 2013, Єрмоленко 2010, Hagege 1996). Реконструкцией языковой личности Барвинского решаются, как минимум две проблемы: 1) интерпретируется индивидуально-авторская картина мира культурного деятеля слобожанщины и 2) восстанавливается ценностно-смысловая палитра слобожанской этнокультуры. Обе задачи особенно актуальны сегодня, в эпоху глобальных вызовов.

На первый взгляд кажется, что когнитивной основой идиомы *глобальные вызовы* служат представления о тех экономических и экологических опасностях, которые таят в себе, с одной стороны, интеграция и глобализация, а с другой – деинтеграция восточнославянского единства. Однако не менее трагичен личностный паралич, когда разрушается создаваемая веками гармония целостного лингвокультурного пространства, а вместе с ней и принципы этносоциальной самоидентификации, в результате которых этноязыковая личность оказывается в открытом, штормовом океане вдалеке от берегов родной (защищенной) цивилизационной среды, в недрах которой она зарождалась, крепла и развивалась. Обрести стабильность и креативную устойчивость может помочь только обращение к своим лингвокультурным корням. Это в том числе и реконструирование речевого портрета типичного представителя элитарной коммуникативной личности, при котором в центре внимания объективно оказываются понятие «языковая личность» и трёхуровневая система её организации: лексикон, тезаурус и прагматикон. Реконструкция речевого портрета П.Я. Барвинского как типичного представителя элитарной украиноязычной коммуникативной личности XIX в. предполагает обращение к трем исходным уровням формирования языковой личности: 1) вербально-семантическому, открывающему

для нас степень владения Барвинским украинской лингвокультурой; 2) когнитивному, единицами которого являются концепты (идеи), складывающиеся в более или менее упорядоченную картину мира – иерархию слобожанских этнокультурных ценностей; 3) прагматическому, предопределяющему интенциональную стратегию культурного деятеля (его цели, мотивы, интересы, установки) (Караулов 1986).

Коммуникативная сущность речевого портрета П.Я. Барвинского отражается в характере его языковой деятельности и сферах приложения языковой способности. Таковыми для него были драматургия, в рамках которой он выступает не только автором украиноязычных пьес, но и актёром. В этой связи его языковая личность наиболее ярко проявляется в *речевом поведении персонажей* созданных им пьес.

Характер речевого поведения персонажей обуславливается способами и факторами вербализации так называемых эмоциональных концептов. Основным способом их репрезентации выступает вкладываемый в уста персонажей лексикон, а главным фактором их понимания – прагматикон.

Лексикон персонажей пьес П.Я. Барвинского ориентирован на выражение «ближайших» значений (по А.А. Потебне). Особую ценность при этом приобретает производная лексика. Поскольку семантика единиц этого типа является вторичной, производной по отношению к знаниям о мире, смысловое содержание употребляемых персонажами слов замыкается в зоне ближайших значений, обусловленных контекстом. Особенно значимой для понимания языковой личности драматурга оказывается семантика, пропущенная через призму текста, в частности через призму дискурсивного контекста (Алефиренко 2010, Чумак-Жунь 2012). Если семантика, представленная на первом уровне, довольствуется идентификацией, опознанием, «узнаванием» вещи, то знания о мире ориентированы на деятельность, действия с вещью.

В лексиконе героев Барвинского особое место занимают слова, в значении которых отражается представление о несчастной доле – о **страдании**. Одно из них – лексема *клятий* (*клята*), которая особенно активно используется по отношению к женщинам. Причем на первом уровне описания семантики лексема *клятий* в сочетании *клята душа* воспринимается в узуальном значении ‘*ненавистный, проклинаемый*’, при этом многократное повторение этой фразы по отношению к героиням пьес «Каторжна» и «Повія» из уст различных героев заставляет предполагать, что речь идет о пропащей, проклятой

душе, которой нет спасения и которая заслуживает соответствующего отношения: *Ах ти ж, клята душа!.. Де вона, каторжна?; Ах ти ж, клята душа!.. То ти так балакаєш при батькові?!.. (заміряється на неї). Та я на тобі всі рогачі потрошу, каторжна! (кидається, щоб ухватить рогач); *Ах ти ж, клята душа!.. Та я на ній, сибірній, віжки всі розплету!* Однако дискурсивный контекст меняет восприятие, и в оценочной характеристике ('человек таков, какова его душа') элемент *проклятая (клята)* меняется сначала на 'несчастливая', 'страдающая' (1), а затем на 'святая', 'чистая' (2):*

1) Тепер для мене все одно. Тепер мені всіх можна любити і мене всім можна любити... Все одно: пий, гуляй, веселись душа, іди напрямки, бо нема тобі ні одної стежечки... Була одна стежечка до чийогось сердечка, до рідного батечка, – та й тієї нема... і нема стежечки, нема ніж одної! Тепер зосталось тільки гуляти, як личить повії...

2) А яка шира душа була у неї...; Яка шира душа... яке серце добре!.. і так збагнувала, знівечила свій вік ні за що!..

Таким образом, прилагательное *клятий* приобретает новый контекстуальный смысл – 'униженная', 'страдающая', 'несчастливая'.

Словоцентристский подход к изучению языка, который неизбежно переводит нас со второго уровня на первый – низший уровень, лишает возможности учитывать ситуацию общения. Слова, вырванные из контекста, создают искаженную «языковую картину мира». И это вполне закономерно, если представить, что семантика на первом уровне хранится в объективированном виде, при ее же личностной интроспекции, когда совокупность слов усваивается пользователем, способом существования семантики становится квазисистематизированная вербальная сеть. Тезаурусный уровень организации языковой личности включает знания, которые могут отличаться неравномерностью, поэтому и способы упорядочения единиц тезауруса совсем иные, нежели на уровне лексикона. Принцип организации единиц здесь не сетевой. Он может проявлять тенденцию к логико-понятийной упорядоченности, с одной стороны, а с другой – может быть иерархически координативным, синтезирующим в информационных моделях значения, формы, функции при помощи законов отношений, а не при помощи генерализации, основанной на родовидовой абстракции. Вся совокупность единиц тезауруса развертывается из одной точки, из вершины (или нескольких вершин). Кроме укрупненных лингвистических единиц, представленных информационными моделями и текстами, здесь могут быть и просто слова, которые приобрели

статус обобщения, символа, и научные понятия, и образы, и картины, и осколки фраз, и сценарии, и другие единицы. Анализ лингвостилистических информационных моделей, текстовых и ортологических, подтверждает мысль о том, что, в отличие от вербальной сети, где связи между лингвистическими единицами однозначны, на когнитивном (тезаурусном) уровне преобладают не прямые отношения, а выводное знание, вероятностные зависимости.

Ярким примером демонстрации подобного выводного знания является доминирование в драматургии Барвинского смыслов концепта «Страдание», который представлен ограниченным кругом специальных репрезентантов, однако на когнитивном уровне объективируется практически в каждом представленном концепте.

В ценностной картине мира слобожан – героев пьес Барвинского – можно выделить три концепта, которые, собственно, и образуют «ось ментальности» – это концепт «Віра» (Вера), концепт «Душа» и концепт «Україна». Основой этой оси ментальности, на которой базируются все концепты, является смысл 'страдание', имплицированный в самых различных языковых формах.

Абсолютной ценностной доминантой в сознании слобожан служит концепт «Віра», основным репрезентантом которого является лексема *Бог*. Ценность доказывается не только и не столько особенностями текстовых употреблений, хотя частотность употребления лексемы необычайно высока – это самая распространенная лексическая единица в пьесах (495 случаев). В составе описываемых единиц актуализируются следующие узуальные значения: 1) в религиях (политеистических и монотестических) одно из высших, стоящих над миром неземных существ, или создатель вселенной, всего сущего, высший разум, управляющий миром; 2) воплощение доброты, всемогущества, абсолютной благости, вечности, независимости, величия, славы, истины и т. п. (БАС). Автор не создает в этой концептуальной зоне (как, впрочем, и в других) «совершенно новых эстетических связей» (Лихачев 1985: 196), не использует новых когнитивных метафор, метонимий и эпитетов. Большую часть употреблений составляют вполне характерные для восточных славян фразеологизмы с лексемой *Бог*: предметные (*Ніхто, як Бог, моя голубко: опріч його святої волі ніщо не родиться ніде...*), местоименные (*Бог зна що ти думаєш, голубе мій!*), процессуальные (*Ти поправишся, Бог дасть; Завіщо ж Бог тебе скарає*), модальные (*Дай Бог, Хай Бог боронить*). Примечательно характерное для украинской языковой картины мира

развертывание процессуальных фразеологизмов за счет эпитета **святий**: *Не знаю від чого воно так, чи може від того, що у обох у нас доля не дуже красна, чи Бог його святий знає, а тільки здавна вже вся душа моя лине до тебе!; що вже крови пролилось, – то тільки Бог святий те знає...* Этот на первый взгляд избыточный элемент, по сути, ничего не добавляющий в семантику лексемы *Бог*, играет роль, подобную роли постоянного эпитета в древнерусском языке. По мнению акад. Д.С. Лихачева, постоянные эпитеты являются элементом «поэтики повторения» и необходимы, чтобы подчеркнуть *главное достоинство* описываемого. Святой Бог – истинный, величественный и исключительный по важности феномен – эпицентр Веры вообще и православной лингвокультуры в частности. Важно акцентировать внимание на том, что лексема *Бог* в коммуникативном сознании героев П.Я. Барвинского абсолютная, безусловная доминанта. Она может быть охарактеризована как бесконечное духовное и личное для писателя существо – внешнее по отношению к природе, хотя и создало природу и управляет всем, что в ней происходит. И в этой своей роли воплощает в себе наивысший уровень всех мыслимых совершенств: всемогущество, абсолютную благость, вечность, всеприсутствие, беспредельное величие, славу, безграничность, любвеобильность, святость, истину. Именно Бог в этой ипостаси служит надеждой и спасением **от страдания**: *Невже ж Бог не зглянеться на нас? Невже Він, Милосердний, не пошле на нашу долю, хоч частину того талану?.. щоденно, щохвилино буду молитися Йому!.. буду благодати Його, Милосердного, щоб захистив тебе, мій соколе, од лихоті нападті!.. щоб призвів тебе благополучно звернутись у свою країну!..*

Концепт «Віра» в украинском коммуникативном сознании недвусмысленно объективируется с православием как образом жизни обитателя Слобожанщины. Все носители иной веры – враги. Это турки, татары, ляхи (*Як мене Януш підібрав і спас від татарського загону, котрий завів мою матусю у полон... на вічну муку...; Козак завзятий і голінний! Не мало він залив за шкуру ногойцям, туркам і Орді. Бив він їх в степу, в окопах, не клав пощади й на воді!; Так я й злякався тих ляхів?! А як же так? Не знають ще вони, в якому березі зімують раки!.. Так Низовий їм це покаже!*).

Ощущение православной веры у героев настолько сильно, что верность ему (православию) вынуждает героев сознательно принимать страшные **страдания**: не только отказываться от любви, жертвуя при этом жизнью («Антось Дукат»), но и казнить собственных детей

(«Гайдамаки», «За віру»): *Будь проклята ваша мати!.. навіки проклята від мене і від Бога, католичка, що вас породила!! Краще втопила б до схід сонця вас!.. Менше б гріха... ви б умерли не католиками!.. А сьогодні!? Сьогодні?! горе мені з вами, сини мої!.. сини мої любі!.. поцілуйте... поцілуйте мене, діти! (цілує дітей) простіть... простіть мене!.. бо не я вас вбиваю, а присяга!!! (ріже дітей).*

Мотив **страдания** «пронизывает» концептосферу текстов. Это касается и представлений **о духовных страданиях**. Вплетаясь в образно-художественную ткань дискурса Барвинского, репрезентанты концепта «Душа» участвуют, с одной стороны, в реконструкции и структурировании неповторимой личностной ауры творца текста, а с другой – в реконструкции украинской ценностно-языковой картины мира. «Образ души» так же, как и «образ Бога», не обретая в текстах пьес П.Я. Барвинского специфических психолого-эмоциональных очертаний, наполняется и обогащается новыми дискурсивно-семантическими обертонами. Автор не столько создает новые принципы украинской словесно-художественной эстетики, сколько стремится укрепить те, которые были гениально воплощены в речепозитическом континууме великого Кобзаря. Однако в силу специфики обозначаемого концепта «Душа» трудно дифференцировать и однозначно (для реципиента) дефинировать в силу его семантико-когнитивной многогранности, неопределенности его речевой субстанциональности.

Чаще всего душа в пьесах – это внутреннее «я» героя, в таком случае душа ощущается как самостоятельная **страдающая субстанция**: *Я молилась, я плакала! Серце розривалось, сльози сохли, душа мерла...; І перш він був мені не любий, не кохала його я... Тепер же, як зустрілася з тим, – обурилася душа моя!; Душа моя болить за ним, її пожалійте!; Казніть моє тіло, тату, а душу не вб'єте.*

Базовым для концептосферы текстов Барвинского является концепт «Украина». В индивидуально-авторском дискурсе этот концепт репрезентирован когнитивной мегаметафорой: **Украина – страдалица**. Будучи текстообразующей для большинства пьес, она представлена многочисленными метонимическими вариантами, создающими общую когнитивно-прагматическую (коннотативную) ауру анализируемых текстов: **Украина-женщина – страдания – смерть** («Каторжна», «Повія»), **Украина-судьба – страдания – смерть** («Загублений вік», «Марко проклятий», «Насильно колодязь рити – води не пити»), **Украина-народ – страдания – смерть** («Антось Дукат, або за злую зневагу – крива плата», «Гайдамаки», «Жертва», «За віру»,

«Запорізький скарб»). Через все пьесы проходит вариант *Украина-любовь – страдания – смерть*.

В нескольких пьесах Барвинского представлена история Украины времен Богдана Хмельницкого. Он рисует эпическую картину украинского казачества, его отношений с соседями. Воссоздается актуальный сегодня исторический контекст, где смыслы концепта «Украина» ярко представлены в монологе одного из героев (Титаря):

– ‘несчастливая женщина’, ‘долготерпеливая мученица’: *Бідна, сер-дешна ти скорбна рідна Україно!.. Хто тільки не катував тебе?.. Хто не розпинав?..*

– ‘многострадальные потомки и предки’: *Хто не користувався твоїми дітьми і їх прадідівським насліддям?!*

– ‘враги-мучители’: *Окропляли тебе ляхи кров’ю більш, чим Божа роса твої лани широкополі!.. Випиляли по тобі широкі шляхи Кримці та Нагайці, простуючи до іншої господи!..*

– ‘спасение, смерть’: *Чи скоро ж зглянеться Господь на твоє терпіння, довготерпелива!?. Чи піддержить він тебе, Милосердний, чи вже настав твій остатній час і надовго поляжеш ти стомлена спочити до слушної години?..*

Однако если в качестве врагов Украины в пьесах неоднократно упоминаются поляки (ляхи), татары (кримці та нагайці), турки (турчини), то как единственный и последний **спаситель от страданий** на земле – **Велика Русь**: *Настав останній для нас час, і як Господь нам не допоможе Велику Царицю ублагати, щоб захистила нас і прийняла під могутчу свою руку, щоб бути нам і зватися синами єдиної Великої Русі, то пропаде наш край навіки, а ми дідам своїм на той світ великий сором понесемо!* («Жертва»).

Исследование когнитивного уровня языковой личности слобожанина позволяет воссоздать генетические ценности национальной культуры и исторические пути ее развития, важные для современного понимания истории и культуры восточнославянских народов.

Способом перехода от рассмотрения и описания лексикона языковой личности к её прагматикону является анализ психологической, эмоционально-аффективной составляющей личности. Этот подход оправдан, так как персонаж, изображённый в художественном тексте, не только типичен, социален, но и индивидуален.

Мы исходим из того, что языковая личность драматурга может быть реконструирована исключительно через языковую картину мира героев его пьес. Речь персонажей пьес Барвинского богата и

стилистически разнопланова. Драматург, создавая в текстах своих пьес индивидуальности, «принуждает» их к речевому поведению, соответствующему общественно-историческим условиям, их статусу, занимаемым ими жизненным позициям, приспособливает речевое поведение героев к тем контекстам, в которые он их помещает. Речь его персонажей дифференцирована стилистически – это речь гайдамаков и шахтеров, крестьян (*селян*) и сельских дворян (*шляхтичей*). Создавая в своих произведениях выразительные речевые портреты персонажей, П.Я. Барвинский «мультиплицирует» в текстах собственную языковую личность.

На всех уровнях языка обнаруживаются особые вербализации эмоциональных концептов, отражающие идиостиль автора. Наиболее показательным является парный концепт «Горе» / «Щастя». Основные номинанты концепта представлены несимметрично: лексема *горе* встречается 87 раз, а лексема *щастя* – 157, но это вовсе не обозначает, что счастья в жизни героев больше, чем горя. В текстах представлены многочисленные синонимы лексем *горе* (*лихо, туга, нещастя*). Но главное, что *горе* в пьесах Барвинского – это данность, явность, *щастя* же существует как возможность, которая не может реализоваться (несбыточная мечта). В дискурсе Барвинского счастье нечто сугубо внешнее и не зависящее от человека, причем, исходя из речевых контекстов, чем благодетельнее и чище человек, тем он несчастнее, тем больше выпадает на его долю горя: *Усе дала тобі ненька: личко біле, мов лілея, стан гнучкий і чорні брови... усе дала, все для того, щоб у щасті жити: одним тільки обділила, одного забула, забула те, що найдрібніше – щастям оповіти!*

Лексема *счастье* приобретает контекстуальные смыслы – 1) утраченная мечта, или 2) утраченное прошлое, или 3) надежда.

1. Один ти, Боже милосердний над нами керуєш, на все Твоя воля: кому щастя, кому вродя, а для кого горе – уся його доля...; хоч би ще раз, перед смертю, щастям своїм впиться!.. Ох, бабусю.. не діждатися тієї години...

2. Вдарим об землю, горем-журбою, Нехай наша доля сміється!
Вип'єм за щастя, вип'єм за долю, Вип'єм за те, що минуло!

3. *Мій Боже милий... милосердний!.. Благаю щиро я Тебе, пошли ж на нашу долю щастя, пошли хоч трохи талану!; Доле! Щастя! Ідїть сюди до нас на послугу. Відгонить од нас на край-світ і горе і тугу! Нехай щастя свій покров розкине над нами!..*

Причем счастье с роковой неизбежностью замещается в жизни

человека горем: *Недовго ж ти гостила в мене, моя щаслива доле! Поманила на те тільки, щоб спізнав я горе; Чому ж щастя пролетіло, горе не минуло?!..* То, что лексема *горе* активно представлена в обоих узуальных ЛСВ, передавая и значение **глубокого душевного страдания** (*Шукай в степі край дороги, моя рідна мати, Там я буду, моя мати, горем горювати*), и семантику неблагоприятных обстоятельств (*За горе, кров, пожари, сторицею віддячимо ляхам. За горе, глум і всю біду, за всю зневагу і позор старий навіки прокляне, не замислившись, відразу себе самого і мене!*), создает представление (образ) горя, которое мучает героев и изнутри, и снаружи. Вместилище горя – душа (*Хочеться мені душу свою одкрити перед ким-небудь, хочеться поділитись горем своїм...*), оно губит человека, давит его, определяет его действия (*Давить мене моє горе, дідусю, зовсім воно пригнітило мене; Коли б горе не загнало, то не прийшли б до вас*).

В описании горя **как страдания** используются символы, картинки, образы архетипов. Это очень наглядно представлено в украинских песнях, поговорках, пословицах, которые создают своеобразный ментальный узор пьес: *Поки я тебе не знала, Гула, як голубка. Гула, гула голубонька, Полинула в поле, А линучи говорила: «Горе ж, мені горе!»*, *Утопила дівоньку В бездонне море!*; *Ой, сину ж, мій соколинку, де ж тебе шукати? Шукай в степу, край дороги, моя рідна мати, Там я буду, моя мати, горе горювати, Своім чубом кучерявим степи устилати. А своєю кровіцею моря доповняти!*

Как показывает дискурсивный анализ текстов пьес П.Я. Барвинского, наиболее ярко его языковая личность проявляется на вербально-семантическом уровне языка созданных им персонажей. Рассмотрение их эмоциональных состояний, основной функцией которых является возможность выявления ценностных ориентиров, позволяет реконструировать и прагматикон языковой личности П.Я. Барвинского.

Типичными являются примеры, в которых интегрируются основные смыслы эмотивных концептов («Горе», «Душа», «Украина»), создавая в концептуальном пространстве анализируемых пьес **общую ауру страдания**. В следующем обширном монологе представлен образ страдания, источником которого являются угрызения совести. В основе описания когнитивная метафора герой – Каин, которая разворачивается еще в нескольких метафорах, создающих образ безысходного страдания: *жизнь – бескрайний путь, темные овраги, по которой он блуждает, совесть – товарищ, который грызет и день, и*

ночь, совесть – нечеловеческое существо, которое надавило на грудь тяжким грузом, адским огнем палит душу, отняло сон; душа – вместилище, в которой нет мира и любви к ближнему, которые нельзя одолжить у людей, потому что душа железная, а сердце каменное:

Боже ж сій, Боже!.. чи пошлеш же Ти коли-небудь мені спогибок?.. Мов Каїн, блукаю я піввіку, по шляхах широких, байраках темних та степах безкраїх!.. Одійми Ти од мене, Боже, хоч товариша мого, тяжку та невсипущу совість, що не дає мені спокою, гризе мене і день і ніч!.. Що тяжким гнітом надавила моє серце, нелюдським, пекельним огнем палить мою душу!.. котра на вік вічний одняла од мене благодатний сон... та невже ж я до кінця віку, до страшного суду буду носитись з нею?! Молився ж я, молився щиро Тобі Милосердному!! Поперечитував я на своєму віку усі акафісти, тропарі, псалми, на пам'ять їх вивчив!! По цілісіньким дням і ночам харамаркав. Доводилось же мені й скарби знаходити, багато набудував я церковів і монастирів! Скільки ж я роздав старцям і неїмущим?! А за для чого?.. За для того, щоб одмолвували мої тяжкі гріхи, перед Тобою, Милосердний! Ох! Не вимолять... не вимолять, коли тієї молитви нема тут! (показує на груді).

Страдание трансформировано писателем в общенародную идею. Это смысл жизни, который, с одной стороны, требует отмщения, а с другой – является «наказанием» каждому благодетельному персонажу.

В целом языковая личность П.Я. Барвинского обнаруживается на эмоциональном ярусе концептосферы текстов драматурга. Личность автора проявляется в художественном тексте многопланово: в языке, сюжете, изображённых характерах, темах, идеях. Писатель, моделируя переживаемую им реальность, концентрирует глубинные смыслы этнокультурных концептов в законченный образ персонажа, выражающего в тексте ту или иную авторскую позицию.

Стремление раскрыть характер коммуникативных намерений языковой личности П.Я. Барвинского, реализуемых в его разнообразной коммуникативной деятельности, позволяет реконструировать речевой портрет драматурга по языковым личностям персонажей его пьес. Языковое сознание автора совмещается с речевым поведением каждого из персонажей. Поэтому автора нельзя отделять от образа персонажа, поскольку он входит в состав этого образа как его органическая часть. В то же время персонаж – это художественный образ человека, совершающего поступки в определённой ситуации. Выбор наиболее оптимального коммуникативного кода связан с

отображением в тексте пьесы заданного этнокультурой восприятия реальной картины мира и интенционально обусловлен передачей авторских мыслей и чувств по отношению к той или иной дискурсивной ситуации. Ментальность как коллективное национальное мировоззрение предопределяет судьбу участников описываемых событий, трагическую, как сама судьба украинского этноса на этапе его консолидации в нацию. В основе трагедий лежат конфликты ценностно-смысловой картины мира украинского народа с культурными ценностями его ближайших соседей.

Таким образом, анализ взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с ведущими религиозно-моральными установками, согласующимися с общепринятыми суждениями здравого смысла, и оформленных в контексте типичных фольклорных и известных литературных сюжетов, позволяет реконструировать индивидуально-авторскую картину мира П.Я. Барвинского и определить, какие ценности сохранились в слобожанском сознании и в наше время. Сегодня, в эпоху глобальных вызовов, особенно актуальна идея, пронизывающая все словесное творчество П.Я. Барвинского, идея русско-славянского единства, конструктивным остовом которой, по убеждению писателя, служит святая православная вера.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко 2010 - *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта-Наука, 2010. 288 с.

БАС - *Словарь современного русского языка: В 17 т.* М.; Л., 1948–1965.

Богин 1984 - *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 33 с.

Караулов 1986 - *Караулов Ю.Н.* Из опыта реконструкции языковой личности // *Литература. Язык. Культура.* М., 1986. С. 222–234.

Караулов 2014 - *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2014. 264 с.

Корнилов 2003 - *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Кошарная 2014 - *Кошарная С.А.* Языковая личность в контексте этнокультуры. М.: *Директ-Медиа*, 2014. 219 с.

Лихачев 1985 - *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: *Худож. лит. Ленингр. отд-ние*, 1985. 352 с.

Ляпон 1995 - *Ляпон М.В.* Языковая личность: поиск доминанты // *Язык –*

система. Язык – текст. Язык – способность. М.: Институт русского языка РАН, 1995. С. 260–276.

Струганец 2013 - *Струганец Л.* Развитие понятия «языковая личность» в украинском языкознании // Научни трудове на Русенския университет. 2013. Т. 52, серия 6.3. С. 82–87.

Чумак-Жунь 2012 - *Чумак-Жунь И.И.* Специфические характеристики поэтической языковой личности как субъекта дискурсивного смыслообразования // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. Варшава, 2012. С. 2017–2025.

Барвинський 2015 - *Барвинський П.Я.* Вибрані твори. Белгород: Изд-во БелГУ, 2015. 513 с.

Єрмоленко 2010 - *Єрмоленко С.* Формування української мовної особистості // Українознавство. 2010. № 1 (34). С. 120–123.

Hagege 1996 - *Hagege C.* L'homme de paroles. Contribution linguistique aux sciences humaines. Paris: Fayard, 1996.

REFERENCES

Alefirenko, N.F. (2010) *Lingvokul'turologiya: Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguistic Culturology: Axiological and Semantic Space]. Moscow: Flinta-Nauka

USSR Academy of Sciences. (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 17 t.* [The Dictionary of Modern Russian Literary Language: In 17 vols]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Bogin, G.I. (1984) *Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov* [The model of linguistic personality and their attitude to different types of texts]. Abstract of Philology Doc. Diss.

Karaulov, Yu.N. (1986) *Iz opyta rekonstruktsii yazykovoy lichnosti* [From the experience of the reconstruction of linguistic identity]. In: Stepanov, G.V., Khrapchenko, M.B. et al. *Literatura. Yazyk. Kul'tura* [Literature. Language. Culture]. Moscow: Nauka. pp. 222-234.

Karaulov, Yu.N. (2014) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: URSS.

Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow: CheRo.

Kosharnaya, S.A. (2014) *Yazykovaya lichnost' v kontekste etnokul'tury* [The linguistic identity in the context of ethnic culture]. Moscow: Direkt-Media.

Likhachev, D.S. (1985) *"Slovo o polku Igoreve" i kul'tura ego vremeni* ["The Tale of Igor's Campaign" and the culture of its time]. Leningrad: Khudozhestvennaya literature.

Lyapon, M.V. (1995) *Yazykovaya lichnost': poisk dominanty* [Linguistic Iden-

tity: a Search for the Dominant Idea]. In: Shiryayev, E.N. et al. *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language as a system. Language as a text. Language as an ability]. Moscow: Institute of the Russian Language, RAS. pp. 260-276.

Struganets, L. (2013) Razvitie ponyatiya “yazykovaya lichnost'” v ukrainskom yazykoznanii [The development of the concept of “linguistic identity” in Ukrainian linguistics]. *Nauchni trudove na Rusenskiya universitet*. 52(6.3). pp. 82-87.

Chumak-Zhun', I.I. (2012) Spetsificheskie kharakteristiki poeticheskoy yazykovoy lichnosti kak sub'ekta diskursivnogo smysloobrazovaniya [Specific characteristics of the poetic Linguistic personality considered as a subject of the discursive meaning formation]. In: Szypielewicz, L. (ed.) *Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya. Internet* [Man. Conscience. Communication. Internet]. Varshava: Institute for the Rusin Studies. pp. 2017-2025.

Barvins'kiy, P.Ya. (2015) *Vibrani tvori* [Selected Works]. Belgorod: Belgorod State University.

Ermolenko, S. (2010) Formuvannya ukrains'koї movnoi osobistosti [Formation of Ukrainian language personality]. *Ukrainoznavstvo*. 1(34). pp. 120-123.

Hagege, C. (1996) *L'homme de paroles. Contribution linguistique aux sciences humaines* [Words of man. Linguistic contribution to the humanities]. Paris: Fayard.

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Alefirenko Nikolai – Doctor of Philology, Honored Scientist of Russian Federation, Professor of the Chair of Philology Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

E-mail: n-alfirenko@rambler.ru

Чумак-Жунь Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Chumak-Zhun Irina – Doctor of Philology, Professor of the Chair of Philology Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

E-mail: chumak@bsu.edu.ru